

3-417/50

Почётный эскорт.

Рис. М. Черемных

№ 36 МОСКВА 30 ДЕКАБРЯ 1950

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ ХХІХ

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

КРОКОДИ

С Новым годом, товарищи!

Бьёт ровно двенадцать
На башне Кремля!..
До самых границ отдалённых
За стол новогодний
Садится семья,
Семья из двухсот миллионов!

Не хватит экспрессы
Шестнадцать дней,
Чтоб стол тот объехать по краю...
Шестнадцать республик
На нём для гостей
Вино и цветы расставляют!

Под башенный звон
За накрытым столом
Семья поднимает бокалы.
— Так выпьем, друзья!..
Искромётным огнём
В бокалах вино засверкало.

— За то, чтобы
Реками лился металл,
Чтоб труд нашу землю украсил!
За славный Донбасс,
За могучий Урал! —
Сказал Запорожец Герасим.

— За мир!
— За высокую радость труда!
— За новые шахты и домы!
— За то, чтобы
Сгинуть врагам навсегда
От алчности их неумной!

— За то, — долетело
С колхозных полей, —
Чтоб ширился фронт урожая!
И дружно бокалы
В сиянье огней
Сошлись от Карпат до Алтая.

— За дружбу! —
Сказал за народом народ.
— Поднимем заздравную чашу
За силу,
Что к цели великой ведёт,
За мудрую партию нашу!

— За солнце,
Что светит земле из Кремля,
Не зная границ и кордонов!
О Сталине песню
Запела семья,
Семья из двухсот миллионов!

Степан ОЛЕЙНИК
Перевёл с украинского Дм. СЕДЫХ

СТАРЫЙ ГОД (Н о в о м у): — План первой послевоенной пятилетки я оставляю себе как уже перевыполненный, а эти возьми и продолжай в том же духе!

*Из новогодних
Грушкова*

Не все звёзды меркнут при восходе солнца: кремлёвские рубиновые разгораются ещё ярче.

Сорвав первый лист календаря, не думай, что уже совершил исторический акт.

И в новогодних приветствиях отделяй мёд от патоки.

Восторгаясь прошлогодними лаврами, не забывай: и лавры сохнут.

*Размышления
(Внука)*

И новогодний мороз бодрит человека с огоньком.

Даже в знакомом озере не ручайся за всякого карася.

Не всем хотениям потакай, особенно за государственный счёт.

Богатой шапкой не скроешь бедность в голове.

М Е Д В Е Д Ъ

ПОДХОДЯ к проходной будке тёмным декабрьским утром, юрисконсульт завода Борис Борисыч Месопотамский услышал конец разговора.

— Вот увидите, я так наряжусь, что вы меня ни за что не узнаете! — говорила старшая лаборантка Зиночка, доставая из муфты свой пропуск.

— Вас?! Под любой маской! — отвечал ей начальник сборочного цеха.

— А вы знаете, даже директор согласился принять участие в нашем новогоднем маскараде!

— Да ну?

Они скрылись в проходной. Борис Борисыч пошёл вслед за ними и тоже про себя повторил:

— Да ну-у? Сам директор?..

— Что ж тут особенного? — опять прозвучал звонкий голос Зиночки, направлявшейся к лаборатории. — Это ведь не Москва, что можно Новый год встречать где-нибудь... в ресторане или... в Большом театре!

Зиночка никогда не бывала в Москве и представляла себе, что все москвичи обязательно встречают Новый год в ослепительно освещённом ресторане гостиницы «Москва» или в Большом, в крайнем случае в Малом театре.

— А у нас тут один заводской клуб и кругом тайга. Где же встречать?

— И очень хорошо, все, как одна семья! — слишком нежно для такой обыкновенной фразы произнёс начальник сборочного цеха.

«Та-ак», — подумал Борис Борисыч. Но его одобрение вовсе не относилось к нежному голосу начальника цеха или к ласковому смеху Зиночки. Со свойственной ему сообразительностью, когда дело касалось личных интересов, а не исков завода к поставщикам, он подумал, что новогодний маскарад ему очень кстати. Директор последнее время его не жалует, сух с ним и холоден после двух проигранных дел на триста тысяч рублей.

«Поправим это дело», — бодро подумал Месопотамский и в обеденный перерыв отправился разыскивать заведующего клубом.

Завклубом Серёжа Мухин, он же художник и дирижёр самодеятельного оркестра, сидел на верхушке складной лестницы в пустом зале и прикреплял к разукрашенной огромной ёлке электрические фонарики.

— Товарищ Мухин, я слышал, у вас... э... новогоднее мероприятие? — спросил Месопотамский, глядя снизу вверх.

— Ага. Ну-ка, Борис Борисыч, включите свет, что получится?.. Славно!

Ёлка загорелась разноцветными огнями, и в зале сразу стало нарядно и почти весело.

— Почему же вы широко не оповестили общественность?

— Как так? Вся молодёжь знает. Костюмы себе шьют. Я из города пятьдесят масок привёз, да ещё сотню сами смастерили не хуже!

— Я слышал, что и Сан Саныч (директора звали Александром Александровичем) принимает участие?

— Ага. Он уж и маску себе выбрал.

— Какую?

— Ещё чего! Это, товарищ Месопотамский, моя профессиональная тайна.

— Глупо. Мне, может быть, с ним по делу поговорить нужно будет.

— О делах под ёлками не разговаривают.

— Ну, это уж вас не касается! А мне вы какую маску можете выдать?

— Вам?.. — Серёжа Мухин так стремительно качнулся, чтоб взглянуть на Месопотамского, что едва не скатился с лестницы. — Ф-фу! Чуть не загремел. Эх, Борис Борисыч, что бы вам раньше сказать! У меня всего осталось три штуки.

Он спустился вниз, открыл шкаф и достал студа три маски.

— Это? — с нескрываемым негодованием произнёс Борис Борисыч.

То, что предлагал ему Серёжа, было: две блаженно улыбающиеся пороссячи морды и одна физиономия хотя как будто и человеческая, но до того идиотская, что невозможно было на неё смотреть.

— Это? Да вы соображаете что-нибудь или нет?

— А что ж такого? — кротко сказал Серёжа. — Я ведь ни на что не намекаю. Вы просите, я предлагаю. Александр Александрыч взял маску медведя и ничуть не обижался.

Тут он понял, что проговорился, и покраснел. Месопотамский был очень доволен.

— Ну, дайте мне чёрную полумаску, просто чтоб не выделяться, — сказал он. В его планы входило, чтоб директор узнал его сразу.

...В эту новогоднюю ночь в клубе было так весело, как давно уже... впрочем, как было совсем недавно: в день выборов, а перед этим на Октябрьские праздники. Пели, играли, танцевали и просто были счастливы. Но в эту ночь особенно много было смеху, потому что старались узнать друг друга под масками и в невероятных самодельных костюмах.

Старая цыганка скрипучим голосом гадала хорошенькой матрёшке в пышном ситцевом сарафане — заведующей яслями:

— У тебя лицо, как яйцо, а на сердце забота о семидесяти пяти младенцах и одном червонном короле из механического цеха...

И только по крепкому мажорчному духу в цыганке узнали кассира Тихона Иваныча. Стройный джигит долго смущал девушек, пока они не опознали в нём секретаря заводоуправления Машеньку. Седобородый пасечник с сеткой на лице и в широкополой шляпе оказался клепальщицей Наташей...

Борис Борисыч в обычном сером костюме и чёрной полумаске, не привлекая ничьего внимания, тихонько ходил по залу и, как охотник, вылаживал медведя. И вдруг обнаружил сразу троих! Выругав в душе Серёжу, он стал к ним приглашаться. Один, в лыжном коричневом костюме, тычася раскрашенной картонной мордой в венки из лент и цветов на голове украинки в розовой маске, говорил нежным шёпотом:

— Зиночка, не смейтесь, подождите... я вас люблю, Зина!

— Ой, не могу я не смеяться! Снимите маску! А то вдруг медведь и... такие слова...

Борис Борисыч поморщился и стал пробираться дальше.

Вот второй медведь отплясывает русскую. На нём чёрные валенки (у Сан Саныча белые бурки) и ватник, подпоясанный ремнём. Это или бухгалтер материальной части или начальник пожарной охраны: они известные плясуны и несерьёзные люди. А вот наконец и третий медведь... И это он! Борис Борисыч сразу почувствовал, что это директор. Он стоял у рояля, широкопалый, в синем костюме. Правда, Месопотамский не видел на директоре этого костюма, но зато башмаки были те самые, которые Сан Саныч недавно покупал в заводском магазине: коричневые, на толстой подошве... И в это время медведь — Сан Саныч — уронил коробку спичек...

Месопотамский, скользя по натёртому полу, подлетел к нему.

— Мишенька! Михаил Потапыч, не извольте беспокоиться! — с милейшей шутливостью произнёс он, подавая медведю спички.

— Спасибо, — сильно упирая на «о», явно изменённым голосом сказал медведь. Но эти басовые нотки! Их сразу узнал Месопотамский.

«Не проведёшь! А если вздумал притворяться, так тем лучше для меня», — подумал он и воскликнул восторженно:

— Какой чудный, чисто семейный вечер! Ах, какой молодец наш директор! Замечательный человек! При каком-нибудь другом и работали бы не так и не так бы отдыхали культурно, содержательно.

— Угу, — неопределённо произнёс медведь.

— Говорят, он тоже рыжый? Не знаю, не видал. А вы скорее всего... начальник цеха... ну, не буду, не буду раскрывать ваше инкогнито. Жарко! Хорошо бы пивка выпить. Вы не против?

— Можно, — явно не своим голосом произнёс медведь.

Месопотамский был вне себя от радости. За пивом он сказал молчаливому и, видимо, благодушно слушавшему медведю о том, как он душу вкладывает в работу, как всем сердцем предан директору...

— Люблю его искренно и глубоко уважаю. Большой человек! Государственный ум! — и шёпотом, с оглядкой: — А что касается нашего главбуха Брошкина, то вот уж бюрократ, формалист! Откровенно говоря, если я и допускаю ошибки в работе, то только по его вине. Конечно, директору я этого не скажу, а вам... так, к слову пришлось, наболело...

— Рррр-гав! — вдруг неожиданно, совсем не по-медвежьи, рявкнул медведь и увесисто хлопнул юрисконсульта по плечу.

«Шути! Значит, отношения налажены!» — возликовал в душе Борис Борисыч.

Они допили пиво. Медведь пошарил у себя по карманам, и не успел ещё Борис Борисыч в приливе самопожертвования воскликнуть: «Я заплачу!», — как медведь явно изменённым голосом, напирая на «о», сказал:

— А хорошо бы, Борис Борисыч, вы мне дали пятьдесят рублей до завтра, то есть до второго, завтра ведь выходной.

— С восторгом! — подскочил Месопотамский. Он представил себе, как второго его вызовет директор и вручит ему с умищечкой пятьдесят рублей и как он натурально изобразит удивление и будет восхищаться исключительными актёрскими способностями Сан Саныча...

Получив пятьдесят рублей, медведь помахал рукой кому-то в зале и, сказав Месопотамскому «Пока!», покинул его.

«Ну, и мне больше делать нечего, пойду домой», — решил Борис Борисыч.

Весь следующий день он был в отличном настроении, отдыхал, спал, выпивал и кушал.

Второго января утром, совсем ещё в темноте, он подходил к проходной будке. Чей-то весёлый голос рассказывал:

— А директор-то наш как пляшет здорово!

«Это уж он после моего ухода», — подумал Борис Борисыч и вошёл в проходную.

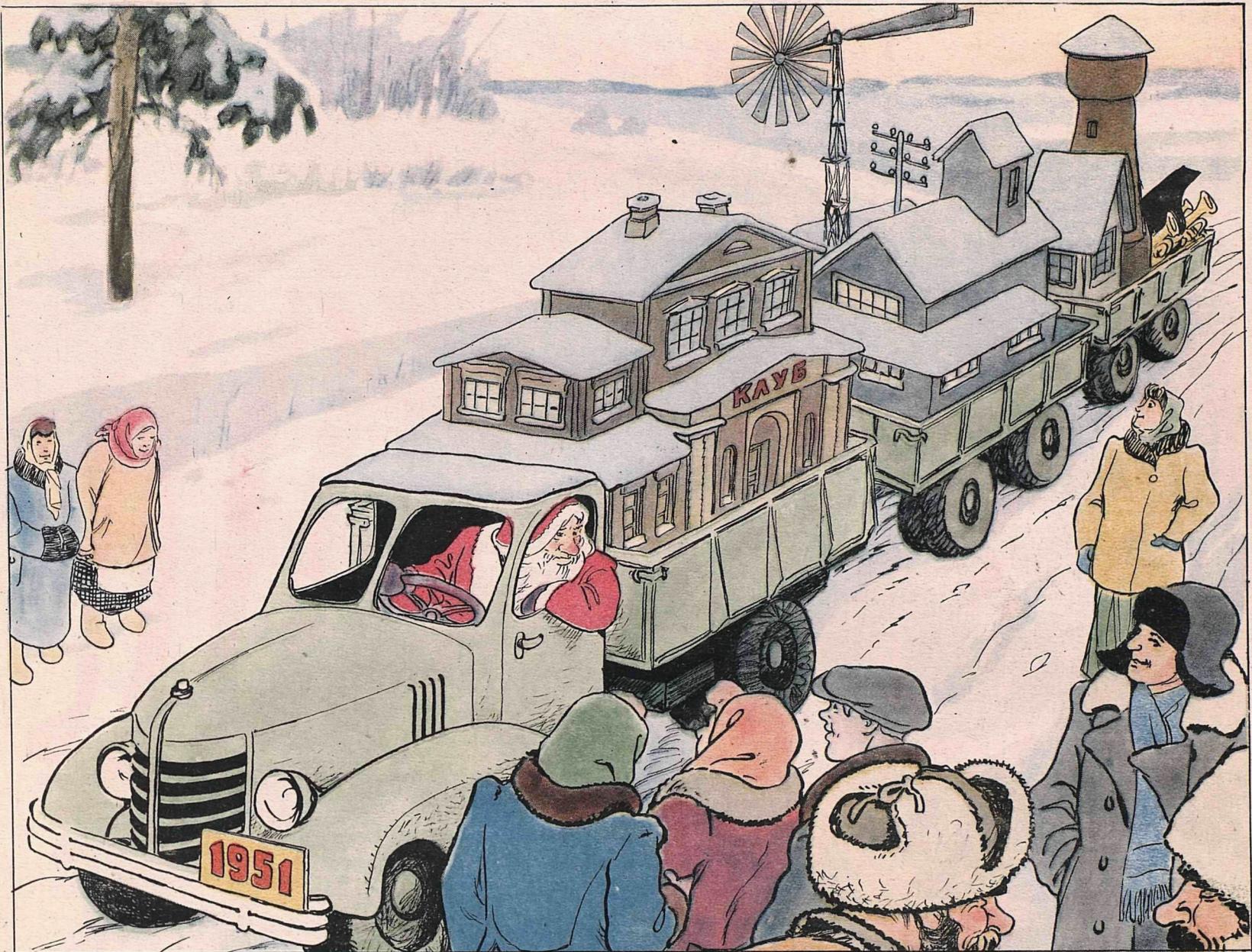
Вахтер Бубликов, человек круглолицый, рябоватый и такой рыжий, что имел сходство с апельсином, поднялся ему навстречу и сказал раскатистым басом, напирая на «о»:

— С Новым годом, товарищ Месопотамский! Разрешите отдать должок, пятьдесят целковых.

— Шпшто-о? — прошелестел Борис Борисыч. — Так это были вы?..

— А то вы будто не узнали? — разулыбался во всё своё рыжее лицо вахтер. — Кабы не узнали, займы бы не дали. А я сроду никого не подводил. Возьму — и отдам. Я такой...

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Куда, дед Мороз!
— В укрупнённый колхоз!

ИЗ МИРА ФАНТАСТИКИ...

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ СЛУЧАЙ

В ОДИН из дней 19... года на улицах большого волжского города появился человек, на которого наблюдательные граждане не могли не обратить внимания. Он старательно изучал витрины многочисленных магазинов. Причём было легко заметить, что первоклассные промтоварные и продовольственные универмаги его совершенно не интересовали. Видели его в этот день во всех книжных магазинах. В полдень он уже обследовал все киоски «Союзпечати», вечером побывал во всех библиотеках города. И наутро следующего дня наконец он повстречался с лучшим знатоком книг всех изданий последнего столетия. Старейший, опытнейший букинист сказал ему:

— Вы находитесь на грани невозможного. Но я могу вам посоветовать...

Присутствующие при этом не могли слышать, что посоветовал приезжему старый букинист. Они видели только, как незнакомец немедленно покинул книжную лавку...

Примерно так начинаются различные

фантастические повести. Мы прибегли к этому началу потому, что в нашем рассказе также имеем дело с фантастикой.

Действительно, сейчас книгу «На грани невозможного» очень трудно разыскать даже в городе Горьком, где она была издана. Эта книга не представляет какую-то особую древность. Вышла она из печати в самом начале 1950 года. Собраны в ней несколько фантастических повестей. Книга весьма занимательная и полезная. Но спрос на неё резко увеличился, и она немедленно разошлась после известных решений правительства о строительстве волжских гидростанций. И вот, предположим, некоторый любитель книг решил обратиться в Горьковское издательство с просьбой выпустить вторично этот труд.

— Не можем, — ответят ему.

— Почему?

— Видите ли, фантастика устарела.

В книге напечатана повесть под интригующим заглавием «Погонщики туч». Идёт там речь об обеспечении высоких урожаев в степях Заволжья. Автор мечтает

о том времени, когда чудеснейшая земля будет сплона напоена влагой. По его проекту, сие произойдёт после того, как с помощью авиации и электричества сюда, в Заволжье, будет организована доставка туч. Привезённые издалека тучи должны встречаться оркестром особой силы; от сотрясения воздуха при сем тучи будут разрешаться дождём. Попутно автор сообщает, как в 19... году Аму-Дарья потечёт по старому руслу.

— Подумайте: можем мы после этого повторно издавать эту повесть?

Какая же теперь это фантастика, если уже точно обозначено, когда Аму-Дарья потечёт по старому руслу к Каспию? Волжские земли также будут орошаться волжскими морями более надёжным, земным путём, не предусмотренным автором.

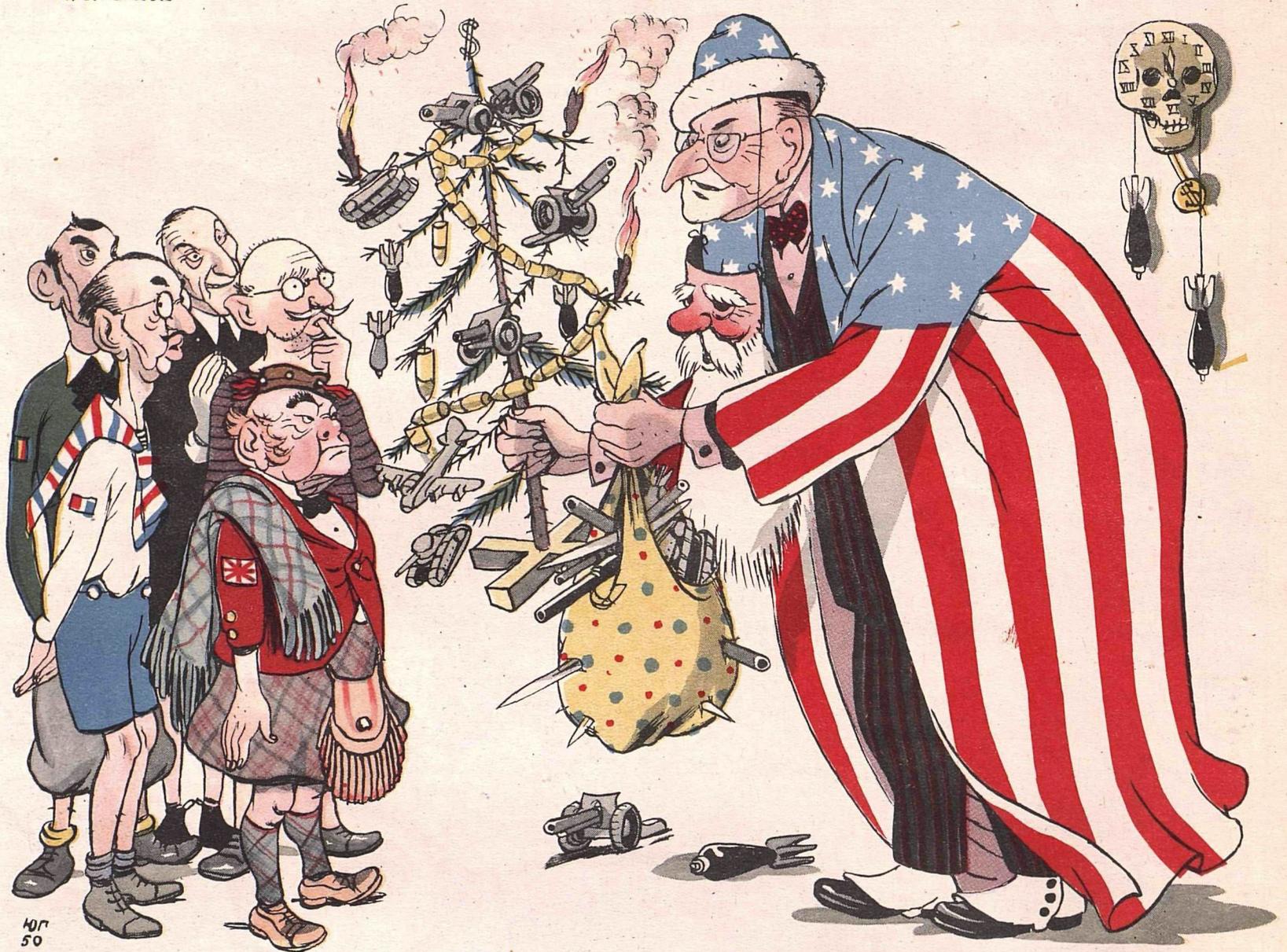
С этим нельзя не согласиться. Одна из самых фантастических повестей через несколько месяцев после её издания отстала от жизни.

А. ЕРОХИН

г. Горький.

ДОБРЫЙ ДЯДЯ САМ

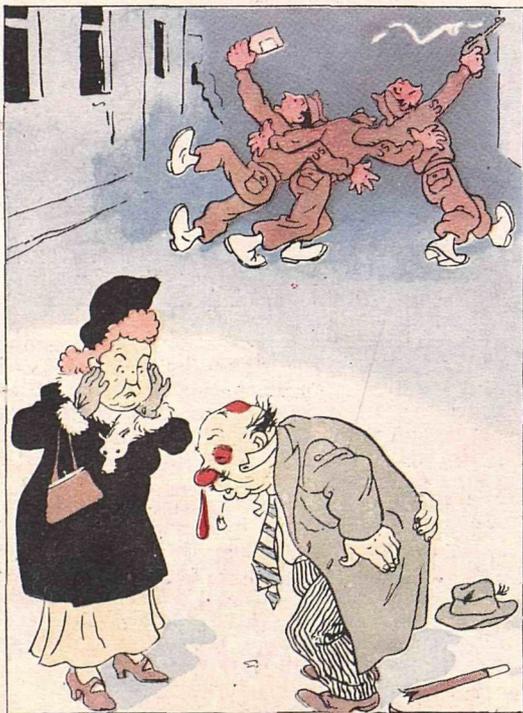
Рис. Ю. ГАНФА

— Я вам, детки, принёс самолётики, пушечки, танки, бомбочки, а вы мне дайте своих солдатиков!

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Что с вами случилось?
— Да вот пошёл встречать Новый год, а встретился с американцами!

ЩЕПОТКИ СОЛИ

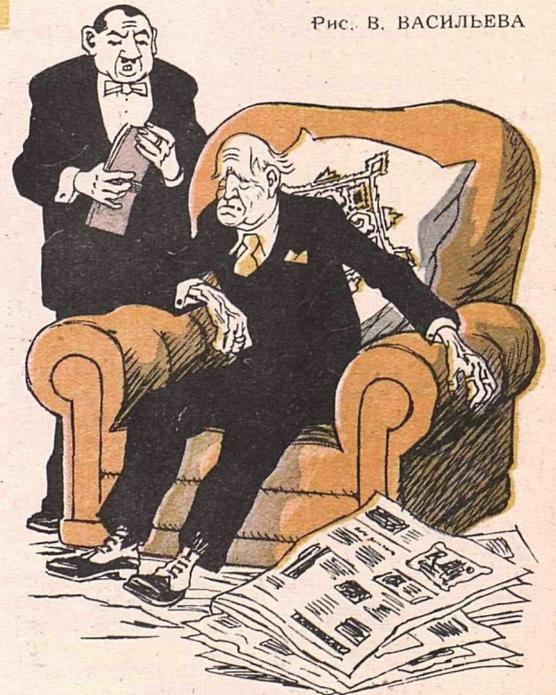
Заявление британского министра для печати: «В благородном хозяйственном соревновании между США и Великобританией наша страна всё время занимает почётное второе место».

- * * *
- Правда ли, что Трумэн говорит по-английски?
— Ерунда, это Эттли говорит по-американски.
- * * *
- Ачесон, однако, гораздо более честолюбив, чем Вашингтон.
— Почему?
— Вашингтон превратил английскую колонию в американское государство, а Ачесон превращает Англию в американскую колонию.
- * * *
- Каким образом вы достигли отличных успехов в стрельбе? — спросили солдат одного французского гарнизона.
— Очень просто: в тире мы установили манекены американских поджигателей войны.
- * * *
- Скажи мне, что честный американец должен называть антиамериканской деятельностью?
— Деятельность комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.
- * * *
- С какой целью американцы изучают в своих университетах международное право?
— Надо же, по крайней мере, знать то, что они нарушают.

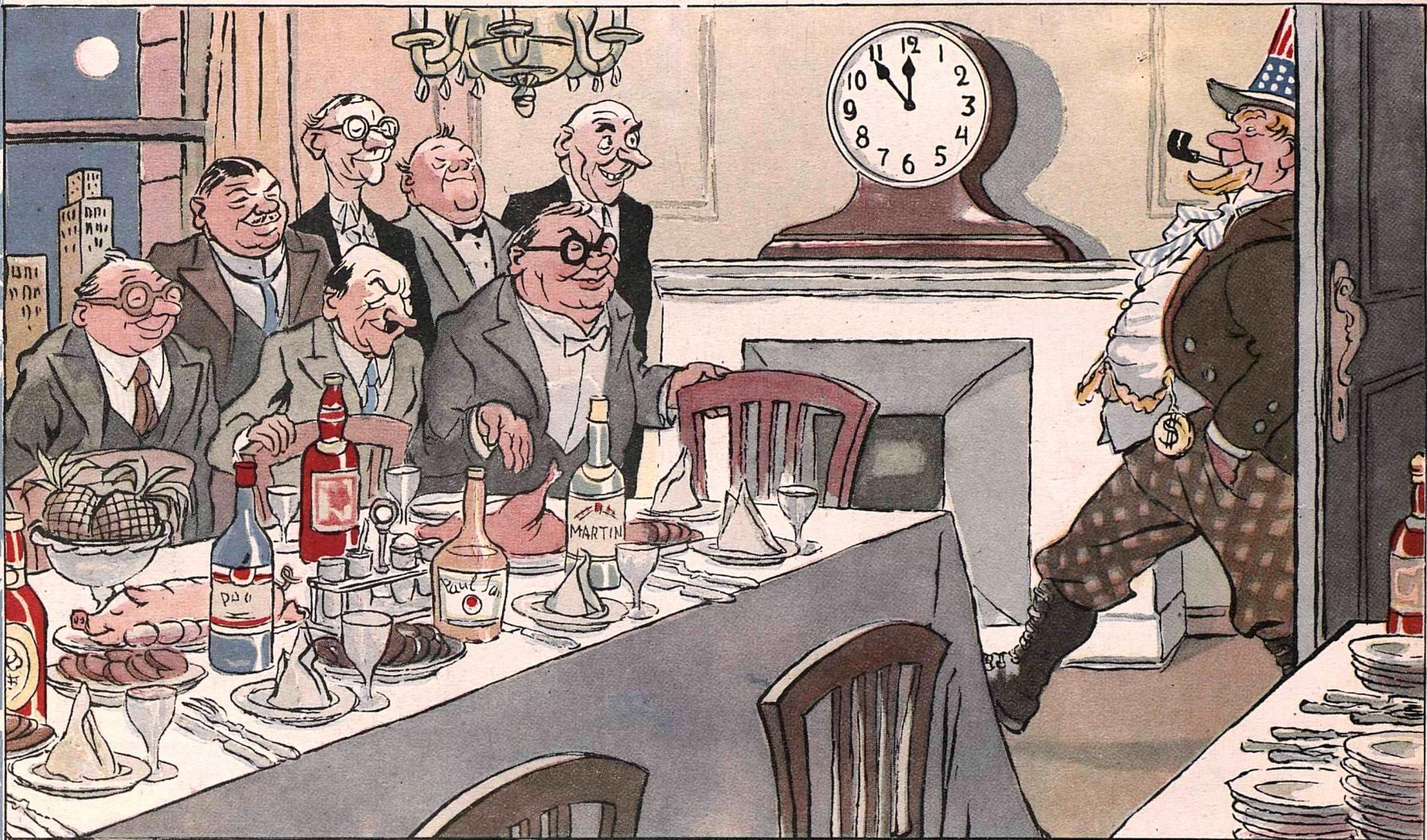
(Журнал «Шпильки», Польша)

ХЕРСТ ОЗАБОЧЕН

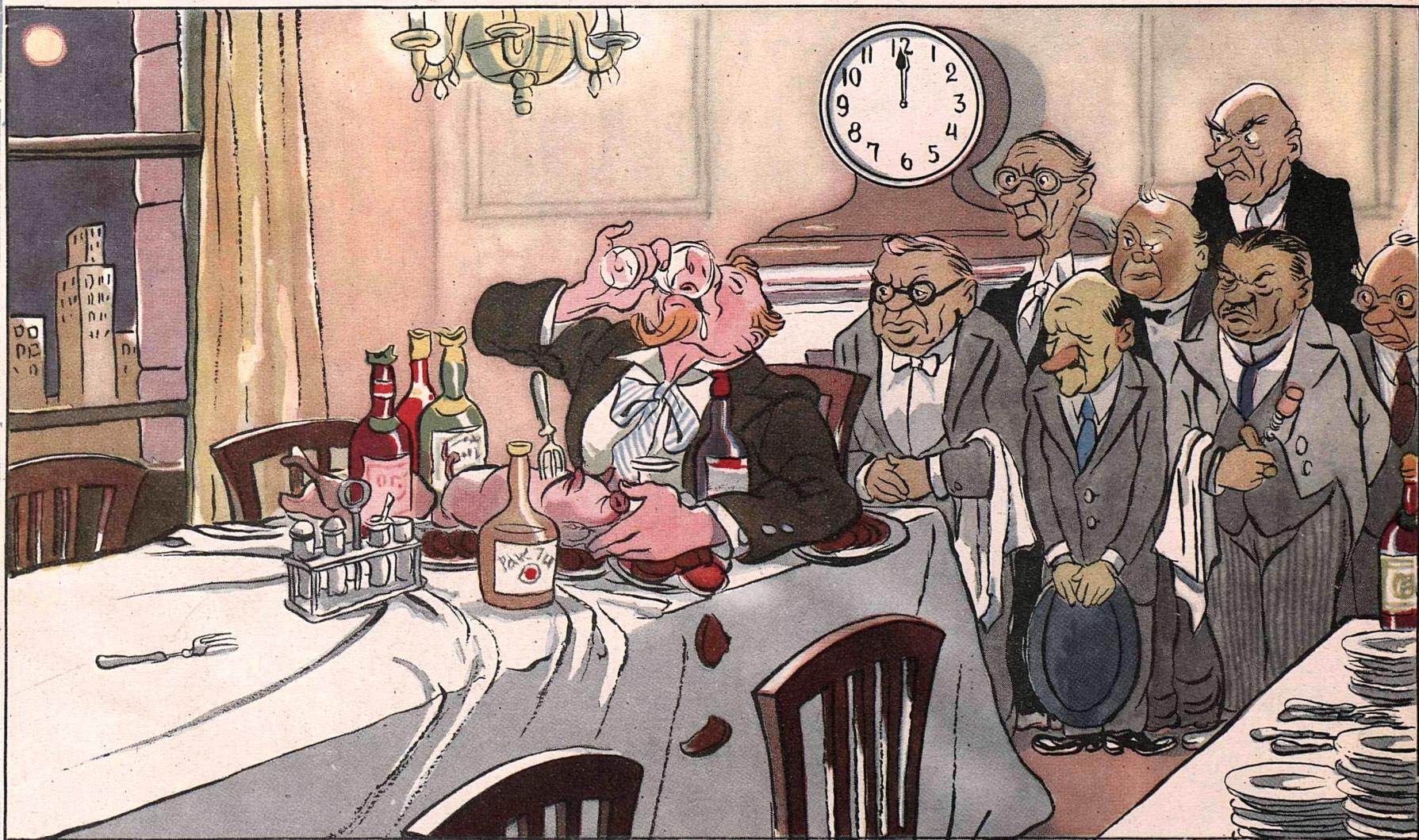
Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Почему в новом году так мало подписываются на мои издания?
— Потому что многие подписываются под Возванием Мира!

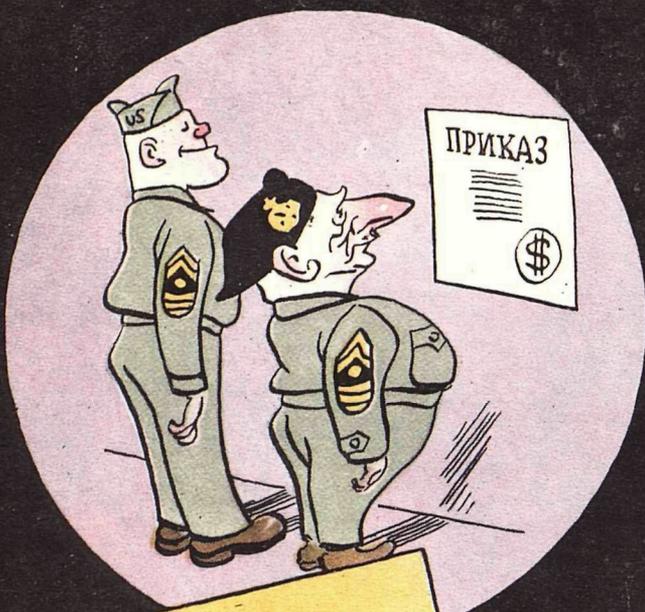

— Наконец-то, сэр! Вас только мы и ждали!..

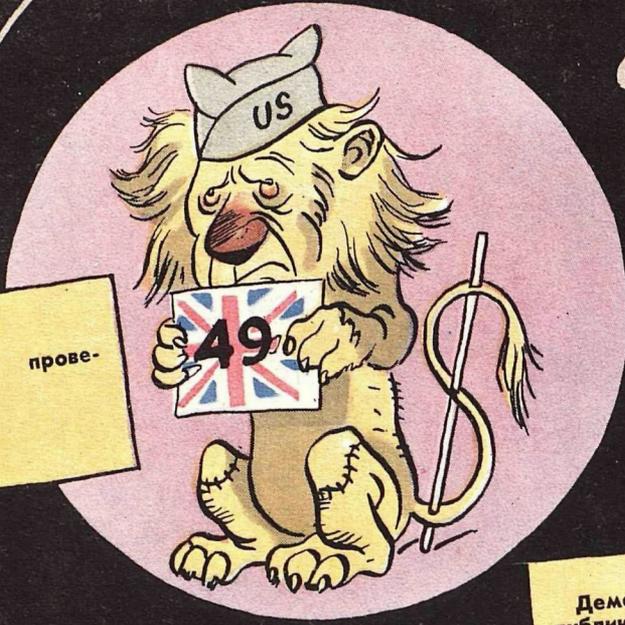
— Ну что ж, с Новым годом, джентльмены!

Предсказания

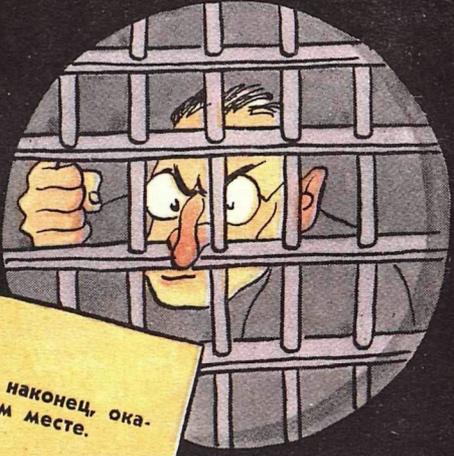

Монтгомери получит повышение: ему присвоят звание сержанта американской армии.

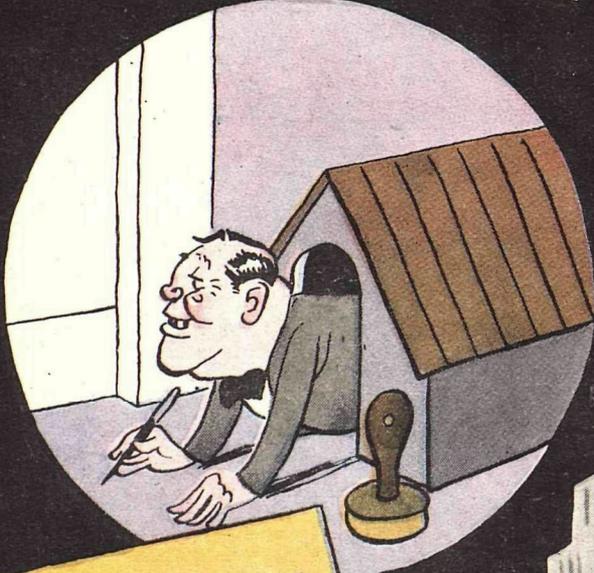
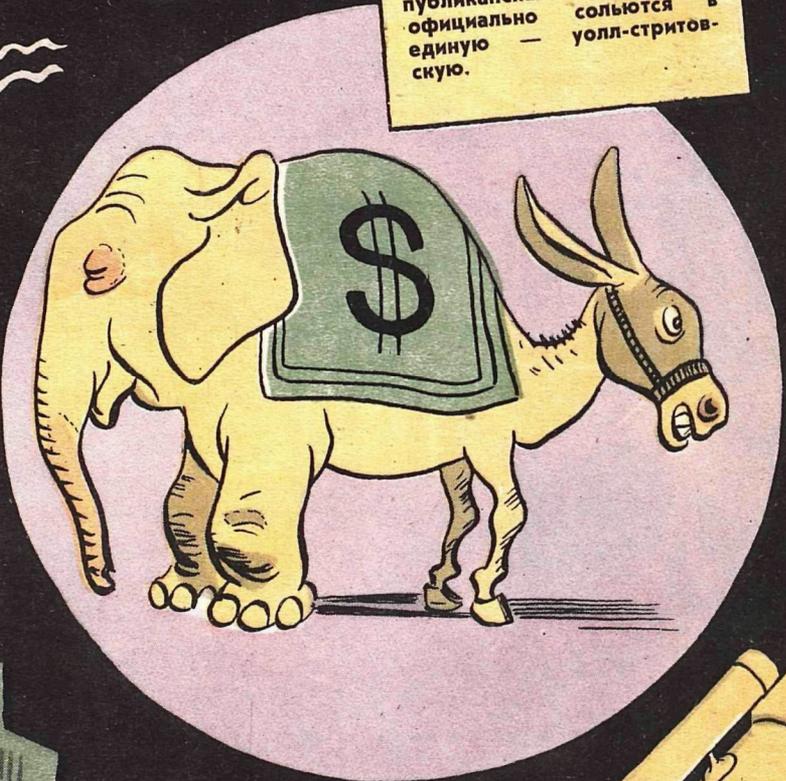
Великобританию проведут в Штаты.

Демократическая и республиканская партии США официально сольются в единую — уолл-стритовскую.

Жюль Мок, наконец, окажется на своём месте.

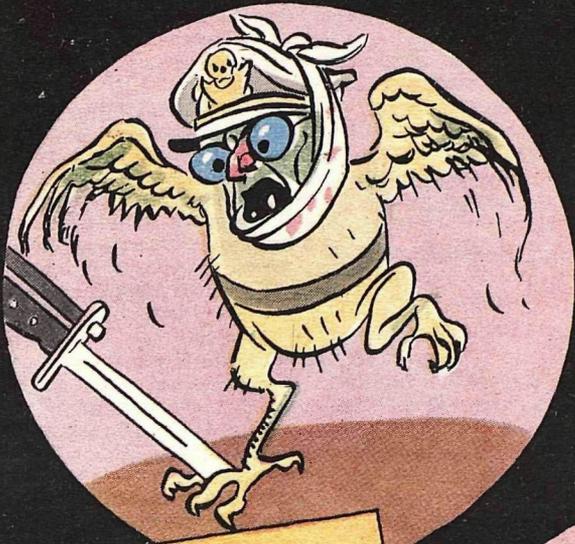
Трюве Ли получит отдельный кабинет в Белом доме.

на 1951 год

И попрежнему
у престола.

Коготок (в Корее) увяз,
всей птичке (Макартуру)
пропасть.

Деятельность
Эттли не останется не от-
меченной.

Тито и Франко попрежне-
му будут торговать собой
на панелях Нью-Йорка.

«Голос Америки» и «Би-
би-си» ещё больше усовер-
шенствуют технику своих
радиопередач.

30
АБРЬ
31

С Н О В Ы М Н Е С Ч А С Т Ь Е М

КОГДА-ТО в старые, так называемые «добрые» времена буржуазные газеты и журналы в новогодних номерах печатали рождественские рассказы о несчастном мальчике и великодушном господине. Мальчику в рассказе полагалось замерзнуть у окошка, за которым вокруг ёлки кружились розовые, как херувимы, дети. Господину, в свою очередь, полагалось увидеть мальчика и сказать два-три нежных слова. Мальчика кормили (кухарка и швейцар) и, устроив ему предварительно дезинфекцию, допускали постоять под ёлкой. Затем крошке давали яблоко, бумажный колпак, хлопущку и отправляли в воспитательный дом.

Сейчас такие рассказы не в моде. Уж очень много живых, а не святочных и не только мальчиков, а взрослых отцов семейств тоскливо и безнадежно бродит по городам послевоенной буржуазной Европы и Америки, разыскивая хлеб и приют.

Поэтому в газетах вместо рождественских рассказов печатаются обещания премьер-министров, сенаторов и прочих высокопоставленных и высокооплачиваемых особ. Фантазии в этих обещаниях куда больше, чем в рождественских сказках.

Щедринского героя-хвастуна лакея Антропку, обещавшего в лесу в январский мороз нарвать фиалок, жестоко высмеяли, побили и пообещали, если он не замолчит, выкупать в проруби.

Некоторые премьер-министры обещали в новогодних речах 1950 года не фиалки, а нечто большее — хорошую жизнь.

— Атлантический пакт создал в Норвегии чувство большой уверенности, — заявил 1 января 1950 года премьер-министр Норвегии господин Герхадсен.

Вслед за премьером выступили министры. Развивая генеральный тезис о «большой уверенности», они каждый на свой лад обещали норвежцам:

— Возможно, в этом году будет отменена нормированная продажа кофе, сахара и тканей.

— Возможно, не будет нового повышения цен.

— Возможно, удастся избежать роста безработицы.

Год кончился. Вместо «большой уверенности» большая растерянность. Ничего из «возможного» не удалось. Кофе, сахар, ткани по карточкам. Цены повышены. Безработица растёт.

Какой взлёт фантазии потребуется господину Герхадсену для новогодней речи 1951 года?

— Дания политически полностью обеспечила себя, вступив в Атлантический пакт, — заявил датский премьер Хедтофт.

Господину Хедтофту встретить новый, 1951 год будет легче, чем его норвежскому коллеге. Хедтофту не придётся оправдываться перед соотечественниками в полном крахе своих предсказаний. Господин Хедтофт уже не премьер. За него будет выкручиваться Эрик Эрикссон.

Щедрин писал, что лгуны бывают разные, например, есть лгуны лицемерные, и они, как правило, всегда готовы на двоедушье.

Эта характеристика Щедрин как нельзя лучше подходит к английским лейбористам. Каких только обещаний не наговорили в новогодних речах «социалисты» его величества! Каких только «краеугольных камней» не нагромодили они для околпачивания избирателей!

— Мирная внешняя политика.

— Повышение жизненного уровня.

— Равная оплата за равный труд.

— Полная национализация...

Не забыты были в новогодних речах и продовольственные карточки.

— Карточки на колбасы и бекон будут отменены!

И что же?

Даже американский журнал «Форчун» — и тот посочувствовал англичанам: «Ужасное бремя, которое несут британские налогоплательщики, фактически так же тяжело, как и в годы войны».

Это сказано в конце 1950 года. Вот тебе и «повышение жизненного уровня»!

Зато на компромиссы и двоедушные лицемерные лгуны не скупятся. Чем-то не понравился Ачесону Криппс, пошли на компромисс — убрали Криппса. Уолл-стрит не по душе Конгресс Стронников Мира, пошли на компромисс — запретили. Из Вашингтона приказали вооружать гитлеровских недобитков, пошли на компромисс — начали ремилитаризацию Западной Германии. Словом, гаденькие лейбористские лгуны-лицемеры весь прежний год расшаркивались перед Уолл-стритом и угодливо вопрошали:

— Чего изволите?

Заглянем за океан. Боже ты мой, сколько наговорил президент в 1950 году! Новогоднее послание, просто послание. Речь по поводу, речь без повода. И во всех речах обещания. Впрочем, будем справедливы: одно обещание президент выполнил — ввёл чрезвычайное положение. Так сказать, дообещался! Недавно президент поставил рекорд. Только в одной речи Гарри Трумэн пятьдесят пять раз упомянул слово «мир». И тут же на глазах всего мира плюёт на все свои слова, пытается превратить начатую им войну в Корею в новую мировую войну.

Время идёт. Часы отбивают минуты и секунды. Вот и опять наступил Новый год. И снова, забыв старые обещания, премьеры и сенаторы наговорят новые. Но не те нынче времена. Всё меньше и меньше становится доверчивых людей, слепо верящих новогодним сказкам. Шумно на улицах маршализованных столиц. Идут одна за другой демонстрации сторонников мира. Бастуют горняки Франции, металлурги Италии, железнодорожники Чикаго и Бостона.

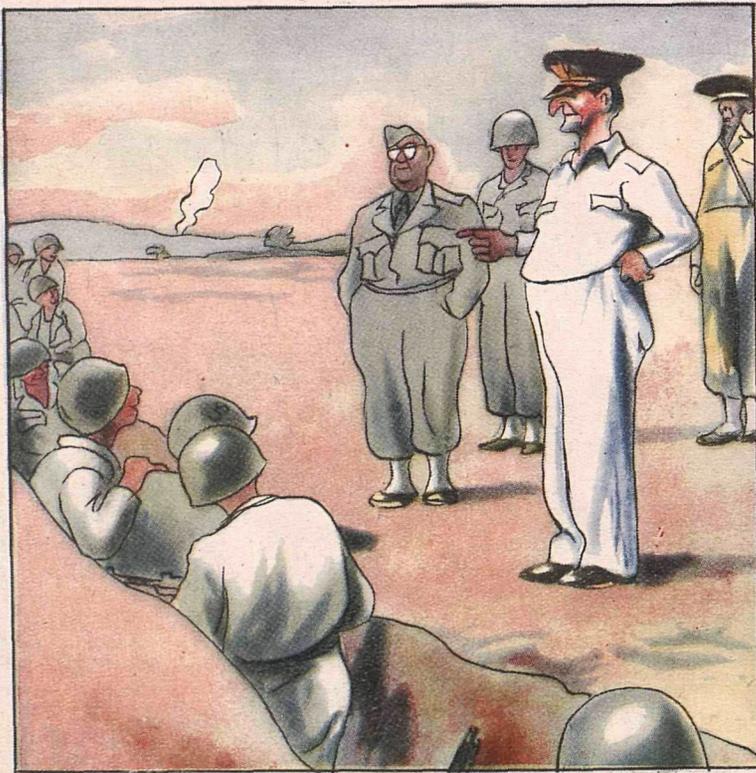
Не святочные, а настоящие, живые безработные люди, услышав речи Трумэна, Эттли, Герхадсена, Эрикссона и прочих, скажут:

— Лгуны и лицемеры нас поздравляют с Новым годом. Жди, стало быть, нового несчастья!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ШУТКИ МАКАРТУРА

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Солдаты! К рождеству вы должны быть дома!..

— Куда!! Я пошутил!..

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ВСТАВАЙ, Том, кричи ура! Нас посетила фортуна!

— В чём дело, Генри? Уж не назначили Форд тебя своим наследником? Если бы я не был вполне уверен в том, что в твоих двенадцати карманах абсолютная пустота, я бы счёл тебя за пьяного.

— Во-первых, у меня тринадцать карманов...

— Знаю. В тринадцатом кармане ты третий год без применения таскаешь диплом инженера.

— Два диплома, Том, — мой и твой. Лукаво улыбаясь, Генри подошёл к Тому:

— А опусти-ка, старина, вот в этот карман свою руку.

Подозревая какую-нибудь каверзу со стороны приятеля, Том нехотя опустил руку в карман пиджака Генри и быстро выдернул из него две пятидолларовые ассигнации.

— Десять долларов! Это же!.. Это же!.. Что случилось, Генри? Ты нашёл постоянную работу?

— Нет, я просто нашёл десять долларов. Понимаешь, иду по улице...

— Довольно! Неважно, как ты нашёл деньги, важно, как их израсходовать.

— Я уже составил смету. Слушай: билеты на новогодний карнавал стоят три доллара и шестьдесят центов.

— Ты с ума сошёл! Какой ещё карнавал? За трое суток мы обедали один раз!..

— Ах, Том, какой ты прозаик! Ты забыл, что нам, вместе взятым, всего сорок восемь лет. Пойми: через шесть дней Новый год, и у нас в кармане десять долларов! Ради этого стоит пожертвовать обедом.

— Да, пожалуй, ты прав, Генри. С тех пор как мы окончили колледж, мы так и не встречали Новый год по-человечески.

— Ну вот... Значит, на билеты три доллара шестьдесят центов. На карнавальные маски...

— Маски необязательны, Генри, мы пострижемся — и нас никто не узнает.

— Том, ты начинаешь приобретать дар остроумия. Однако маски нужны. Итак: за маски два доллара сорок центов. Вот видишь: остаётся ещё четыре доллара.

— А парикмахерская, Генри?

— Ну что же, побреемся же дома, а постричься можно в парикмахерской сегодня же. Значит, минус ещё...

* * *

Они пришли в парикмахерскую и заняли очередь. Почти вслед за ними вошла женщина, очень красивая и очень печальная. Большими грустными глазами она посмотрела вокруг и, как показалось Тому с Генри, задержала свой взгляд на них. Потом тихим, грудным контральто спросила:

— Здесь покупают волосы?

Этот вопрос был сопровождён глубоким вздохом и краской смущения на очаровательном личике.

— Да. Я покупаю волосы, — крикнула пробасила толстенная заспанная личность, выплывшая из-за ширмы. — Я покупаю волосы при условии, если они годятся для парика.

Женщина дрожащими руками скинула косынку, ловко вынула шпильки. Присутствующие ахнули. Волны дивных, золотистых, мягких, как лён, волос покрыли незнакомку. Она стояла смущённая, прекрасная, печальная и была похожа на нимфу. Все бывшие, настоящие и будущие вены, Милосские и Вандомские, испепелились бы от зависти, взглянув на это чудное видение.

— Даю семь долларов, — равнодушно пробасила тучная личность.

— Семь? Но... но железнодорожный билет стоит девять долларов.

— Какой билет? При чём тут билет?

— Видите ли... Дело в том, что у меня украли кошелек с деньгами и с железнодорожным билетом. А в Нью-Йорке я не имею ни одного родственника, ни одного знакомого. И вот... О, умоляю вас, прибавьте два доллара!

— Ну, ладно, — недовольно буркнула туша, беря ножницы, — уж так и быть, ради Нового года...

Женщина откинула с лица прядь волос и посмотрела в зеркало долгим печальным взглядом, как бы прощаясь со своим отражением. По её щекам струились слёзы. Но вот она вытерла слёзы, решительно повернулась к парикмахеру и резко сказала:

— Режьте!

Среди присутствующих воцарилось напряжённое и тягостное молчание. Туша с ножницами грубо и бесцеремонно взяла толстыми пальцами прядь волос...

— Остановитесь!

Это крикнул Генри. Он стремительно подбежал к туше, выхватил ножницы, вынул из кармана десять долларов и неуклюже сунул их в руку нимфы:

— Прошу вас, возьмите эти деньги! Для меня такая сумма ничего не составляет, а ваши дивные волосы...

Она взяла деньги, пожала Генри руку. И опять по прекрасному лицу заструились слёзы. На этот раз — слёзы благодарности. Затем нимфа подарила Генри такой улыбкой, что будь он Морганом и будь у него в кармане миллион, он, не задумываясь, положил бы его на алтарь спасения нимф, попавших в беду.

Том, хотя и сдержанно, но одобрил поступок друга. Стричься они, разумеется, не стали.

Приятель весь вечер бродил по улицам с пустыми желудками и с переполненными от чувства собственного достоинства сердцами.

— Ах, Том, — восторженно говорил Генри, — если бы я был на месте бога, то ей богу помог бы своим чадам Тому и Генри найти в этот вечер миллион долларов за их благородство и самопожертвование!

— Если бы тебя, Генри, родители не наградили телячьим сердцем и ослиными мозгами, то бог помог бы нам поужинать. Они замолчали. По лицу Тома бродили тревожные тени. Вдруг он остановился и воскликнул:

— Вспомнил!

— Что такое ты вспомнил, Том? Уж не вспомнил ли ты, в каком банке хранишь свои сбережения?

— Я вспомнил, где мы её видели!

— Кого, Том?

— Эту самую нимфу. Помнишь, мы смотрели кинокартину...

— Снежная королева! — крикнул Генри.

— Да, снежная королева. Её играла знаменитая Мери Бикдорф.

— Конечно, сходство поразительное, но ты не прав, старина. Подумай, Мери Бикдорф — звезда Голливуда, и... Нет, дорогой Том, это — просто сходство, только сходство!

* * *

Вошёл Том. По теням на его лице Генри понял: Том, чем-то глубоко взволнован.

— В чём дело, старик?

— Ничего особенного, Генри. Я был на Пенсильванском вокзале.

— Ну и что же?

— И видел её.

— Кого, Том?

— Эту... Снежную королеву.

Генри вскопился:

— Ну?

— Ну и... она опять в парикмахерской продавала свои волосы.

— Что?!!

— Я говорю, что она опять продавала свои волосы. На этот раз ни одного телёнка, на которого рассчитан психический приём этой авантюристки, не оказалось. Она, разумеется, не сошлась в цене с парикмахером и оставила свои волосы при себе, в надежде на такого же дурака, как ты.

— А ты? Ты, конечно, подошёл к ней и...

— Я к ней не подошёл, она подошла ко мне и сунула мне в руку доллар, очевидно, приняв меня за нищего...

— И ты бросил этот доллар ей в рожу? Молодец!

— Нет, я взял эти деньги. Зачем бросаться долларами! Тем более, что он принадлежит нам. Долг платежом красен.

— Ты дурак, Том!.. Постой, ты не заметил, куда она пошла?

— Никуда. Сидит в зале ожидания.

Генри стремительно накинул пальто и выбежал.

— Генри, что ты задумал?

— Я ей покажу, я ей покажу! — послышалось уже с лестницы.

* * *

Через час Том услышал шаги на лестнице. В дверь тихо постучали. Это было до странности удивительно, так как больше двух лет в их конуру никто из посторонних не заходил, кроме квартирной хозяйки.

— Войдите.

Вошёл Генри. А с ним (Том оцепенел от удивления) снежная королева.

Генри помог ей снять пальто, пригласил сесть на единственный стул и сказал совершенно парализованному Тому:

— Познакомься, старина, Мери Бикдорф.

— Как? Вы... действительно... та самая... Мери? Снежная королева?

— Да, мой друг, я та самая... С Новым годом!

— Но позвольте!.. Чёрт возьми... то есть... с Новым годом!.. Генри, я ничего не понимаю!..

— Дорогой Том, — перебил Генри, — надеюсь, ты не успел издержать доллар, который получил от неё час тому назад? Иди, старина, в лавочку и купи сосисок, а я займусь кипятком. Видишь ли, Мери сегодня целый день ничего не ела, и я пригласил её встречать Новый год с нами.

— Да, — с печальной улыбкой сказала гостья, — таких дней, в которые я не ела, у меня было больше, чем у вас, друзья, так как меня из Голливуда выбросили пять лет тому назад. А добросердечные люди в парикмахерских встречаются так редко! Да и парикмахерских, в которых я не была, становится всё меньше.

Том всё понял. Он быстро собрался и пошёл за сосисками. Генри выключил единственную лампочку, включил плитку и поставил на неё чайник с водой. В маленькое окно тёмной конуры были видны ослепительные огни большого, сказочно богатого Нью-Йорка. Где-то вдали вспыхивали и угасали красивые гирлянды иллюминации. На светящемся циферблате башенных часов Пенсильванского вокзала стрелки показывали 23 часа 45 минут.

НОВОГОДНИЕ поздравления

Рис. Ю. УЗВЯКОВА

Сносите, друзья!

НОВОГОДНИЙ ОГОНЕК

Музыка Никиты ВОГОСЛОВСКОГО

Слова В. БАХНОВА и Я. КОСТЮКОВСКОГО

Умеренно

На деревьях синий иней,
И, куда ни загляни,
Зажигает вечер зимний
Новогодние огни.
По непisanым законам
Наступает снова срок
Нам собраться на знакомый
Новогодний огонек.

За столом сегодня тесно,
Только это не беда.
По традиции известной
Нами выбран тамада.
Полночь близится — и пробки
Ударяют в потолок.
И в вине искрится робкий
Золотистый огонек.

Над Москвой неторопливо
Звон курантов вдаль плывёт.
— За минувший год
счастливым,
За счастливый Новый год!
И за то подыдем чарки,
Чтоб на тысяче дорог
Нам светил повсюду ярко
Нашей дружбы огонек!

Ночь уже идёт к рассвету,
Час прощанья недалек.
Мы хотим, чтоб встречу эту
Каждый в памяти сберёг,
Чтобы мы стареть не смели,
Чтоб ещё собрать нас мог
Хоть сто раз, по меньшей
мере,
Новогодний огонек.

Человек с горизонтом

С. ШАТРОВ

СТРАННЫЙ человек Тимофей Гаврилович Черенков! Ничто неспособно вывести его из состояния постыдного безразличия ко всему, что не имеет прямого отношения к бухгалтерскому гробу. Право, он выглядит белой вороной среди своих сослуживцев. Вот он сидит в учрежденческом буфете за обычным своим завтраком — стаканчик кефира и три пончика с вареньем. Вокруг бушует спор, кипит страсти. Тимофей Гаврилович безмолвствует. Самые сенсационные международные события не трогают его души, поросшей цифирью. И именно это никогда не примирит его с коллективом, где каждый втайне считает себя международником и, если хотите, дипломатом. Мнение о Тимофее Гавриловиче как о человеке неинтересном и равнодушном было всеобщим и непререкаемым.

— Замшелая личность! — говорил о нём статистик Гедеонов, лучший докладчик по международным вопросам.

— Родимое пятно на теле коллектива! — добавлял кассир Смузилов, большой знаток Ближнего Востока.

— Живёт, как мышь в лабазе! — с презрением заключал экспедитор Горчаков, великий дока по вопросам процедуры в ООН.

А управляющий Локтюков сказал как-то председателю месткома Мамаевскому:

— Давно бы следовало назначить Тимофея Гавриловича старшим бухгалтером, да вот рука не поднимается подписать приказ. Зарылся Черенков в свои балансы, как крот в землю, и ничего не видит окрест. Нет у человека горизонта!

— Интересно бы узнать, чем наш Черенков занимается в свободное от занятий время? — задумчиво молвил председатель месткома.

— Надо полагать, что такой человек вечерами играет в домино или режетя с соседом в козла. И в этом, скажу вам прямо, большая вина месткома, который не мог привить члену нашего коллектива каких-то более благородных интересов и устремлений.

— Я принимаю упрёк, — наклонив голову, сказал председатель, который мог как-то очень красиво признавать свои ошибки. — Мы поднимем его уровень!

Однако после этой знаменательной беседы ничего не изменилось. Но однажды произошло событие... Впрочем, о нём следует рассказать подробнее.

Во время очередных дебатов по внешнеполитическим вопросам, когда статистик Гедеонов делал экскурс в историю древнего Китая, его прервал глуховатый бас Черенкова:

— Вы ошибаетесь, Гедеонов! Последний император династии Мин не умер от болезни. Он повесился!

Все сидящие в буфете повернули головы к Тимофею Гавриловичу. Если бы покойный император самолично явился сюда, лица присутствующих не смогли бы выразить большего удивления.

— Повесился? — после паузы переспросил Гедеонов. — Это вы авторитетно заявляете?

— Авторитетно, — спокойно отвечал Черенков, отхлебывая свой кефир из бумажного стаканчика.

— С чего это он вдруг полез в петлю? — недоверчиво осведомился Смузилов.

— У него были на то веские основания.

— Что, ему харчей императорских не хватало? — не унимался остряк Смузилов.

— Он повесился под влиянием неудач в борьбе с крестьянскими восстаниями, — серьёзно отвечал Черенков.

В устах Тимофея Гавриловича всё это звучало столь странно, что даже буфетчица Ира, пустая и взбалмошная девица, застыла у стойки с мелким разновесом в руке. Наступила такая тишина, что было слышно, как повар лепит пельмени на кухне.

— Возможно, вы правы, — нехотя согласился Гедеонов, к величайшему изумлению присутствующих.

На следующий день в буфете в час обеденного перерыва только и был слышен глуховатый бас Тимофея Гавриловича.

— Ахасса? Это столица Тибета — исконной провинции Китая. Небольшой, по нашим понятиям, городишко: двенадцать тысяч жителей, не считая паломников. Ахасса в переводе — «место бога». Судя по пышным храмам, для бога там созданы неплохие жилищные условия, что же касается людей...

И Тимофей Гаврилович долго рассказывает о богатствах Тибета, Далай-ламе, яках, английском шпионе Ричардсоне и местных феодалах...

С этого дня Тимофей Гаврилович никогда не завтракает в одиночестве. Едва он появляется в столовой, как отовсюду несется голоса:

— Тимофей Гаврилович, к нам! Нет, сюда! Черенкова за общий стол!

Уважение к Тимофею Гавриловичу становится всеобщим, когда сослуживцы узнают, что вот уж полтора года, как он изучает китайский язык. Председатель месткома говорит Черенкову:

— Слышал, что вы иероглифы осваиваете. Неужели правда?

— Правда!

Мамаевский горячо пожимает руку бухгалтеру и прочувствованно заявляет:

— Местком одобряет вашу инициативу. Если у вас встретятся трудности по линии оплаты преподавателя, не волнуйтесь. Мы подсобим!

Даже управляющий конторой — и тот начинает хвастать Черенковым.

— Ты нашего бухгалтера знаешь? — спрашивает он жену. — Представь себе, он в совершенстве знает китайский язык. А иероглифы рисует так, что брызги летят!

— Ты шутишь? — восклицает жена.

— Увидишь, как он будет на новогоднем вечере изъясняться с китайцами.

— Вы будете встречать Новый год с членами китайской профсоюзной делегации? — ещё раз изумляется жена. — Как вам удастся заполучить их? Ведь их пригласили буквально все коллективы города!

— Коллективы! — пренебрежительно бросает управляющий. — А много ли найдётся коллективов, где свободно разговаривают по-китайски!

Во время подготовки к встрече Нового года Тимофей Гаврилович снова становится в центре внимания сослуживцев. То к нему приходят драмкружковцы за советом, стихи каких китайских поэтов читать на вечере, то скупаемый честолюбием повар выуживает из Черенкова сведения из области китайской кулинарии, то местные мастера кисти требуют иероглифов для приветственного транспаранта.

Наконец наступает долгожданный день. До Нового года остаётся не более получаса. Все в сборе, но никто не садится за стол. Ждут гостей. Тимофей Гаврилович заметно нервничает. Но вот открывается дверь, и в зал входит взволнованный Мамаевский.

— Товарищи! — говорит он. — Большая неприятность! У наших гостей заболел переводчик!

Все взоры обращаются к Черенкову. Он заметно бледнеет и говорит:

— Я буду переводчиком!

Бухгалтера награждают аплодисментами. Через десять минут появляются гости, сопровождаемые счастливым Мамаевским. Их встречает Тимофей Гаврилович. Он произносит небольшую речь, этакое приветственное коммюнике о чувствах присутствующих. Гости внимательно слушают, но по их напряжённым лицам видно, что они ничего не понимают. Тимофей Гаврилович вытирает со лба бусинки пота и умоляет. В ответ один из гостей раздражается горячей тирадой. Теперь напряжённым становится лицо Черенкова. Китаец кончает свою речь, и Тимофей Гаврилович растерянно и страдальчески улыбается. Положение спасают женщины, они подхватывают под руки дороги гостей и усаживают их за стол.

Мамаевский уводит в другую комнату Тимофея Гавриловича.

— Что это всё значит? — шёпотом спрашивает он.

— Я не знаю... Они, видимо, не понимают моего произношения...

— О да, у вас южный выговор, у них северный. Вы плохо понимаете друг друга! — язвит Мамаевский. — Поэтому вы не перевели речь нашего гостя. Да?

— Он очень быстро говорил, — оправдывается Черенков. — Он почему-то не делает интервалов между словами.

— Ну да, у него ужасное произношение. Не тот прононс. Дайте ему несколько уроков дикции! Эх, вы! Интервалы! И как вам не стыдно хвастать без отдыха и интервала!

Тимофей Гаврилович бессильно опускается в кресло.

— Вставайте! — жёстко говорит председатель месткома. — Быть может, вы для чего-нибудь и понадобится!

И Черенков, понурившись, входит в зал вслед за Мамаевским. Их оглушают весёлые крики, смех и звон бокалов. Гости шумно веселятся в кольце друзей. Тимофей Гаврилович облегчённо вздыхает. В двенадцать часов ночи Тимофей Гаврилович мобилизует весь свой скромный запас китайских слов и, мешая их с русскими, поднимает тост за великие народы двух стран. По глазам гостей видно, что тост был понят всеми. Да, чувства братства, дружбы и любви можно выразить и без помощи словаря!

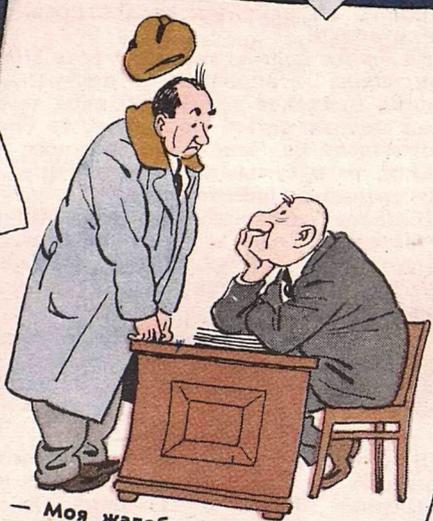
Вот почему Тимофей Гаврилович был амнистирован в тот же вечер не только Гедеоновым, Смузиловым и Горчаковым, но и суровым предместкомом Мамаевским. А неделю спустя управляющий Локтюков, подписывая приказ о назначении Черенкова главным бухгалтером, сказал:

— Тимофей Гаврилович поднимет дело на соответствующую высоту. Он ведь не только хороший бухгалтер. Он человек с горизонтом!

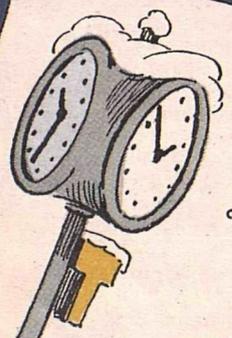
Новогодняя

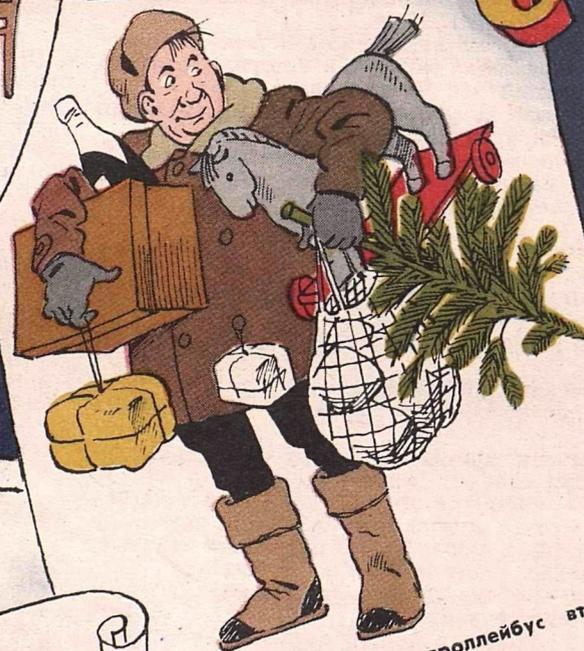
— Пожалуйста, критикуйте!
Я не против! Но зачем вспо-
минать мои ошибки, сделан-
ные ещё в прошлой половине
нашего века!

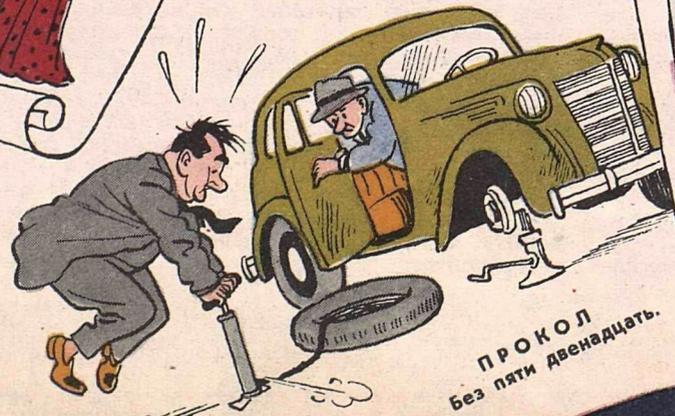
— Моя жалоба у вас уже год
лежит!
— Ну что ж, поздравляю с
Новым годом!

— С одной стороны, мы,
кажется, уже опоздали, но,
с другой стороны...

— Только бы в троллейбус вти-
снуться, и я уже дома!

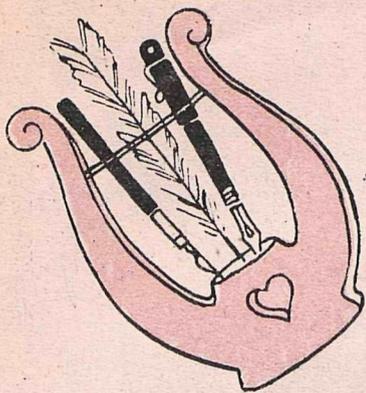

ПРОКОЛ
без пяти двенадцать.

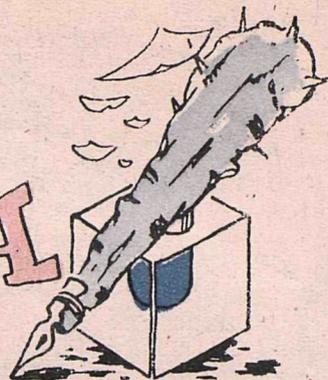

— Где собираешься встре-
чать Новый год!
— Скорей всего в компании
яблока!

Рис. Г. ВАЛЬКА

ВЗГЛЯД НА ЛИЦА

ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

СОЮЗ И ПРЕДЛОГ

В ССП приходит много писателей, но в подавляющем большинстве случаев не по творческим вопросам.

Не знать грамматики — большой конфуз. И мы хотим, по размышлении строгом, чтоб для писателя писательский Союз Союзом был, а не предложом!..

Я. ГАЛИЦКИЙ

О ВАСИЛИИ КАЗИНЕ, АВТОРЕ КНИГИ «РАБОЧИЙ МАЙ»

В июле, в марте, в январе,
Весной, зимою, в осень, в лето
Всё тот же май в календаре
Давно примолкшего поэта.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

СЛУЧАЙ С ВОЕНГИЗОМ

Пришёл солдат
в Воениздат:
— Здесь есть новинки, говорят?

Ему в ответ
сказали:
— Нет!

Мы книги выпускаем в свет
О битвах, о солдатах,
Когда их все уже прочтут,
Когда их раньше издадут
Во всех других «издатах».

Ушёл солдат.
Не знал солдат,
Что здесь военпереиздат.

Б. СИБИРЯКОВ

УЧЕНый НЕУЧ

Произошло всё это так.
Один критический мастак,
Учивший всех напористо и веско,
Однажды получил повестку.

Она гласит,
Что от него от самого зависит
Расширить кругозор и уровень ловисить.
Пусть лекцию сегодня посетит!

Порвав листок собственноручно,
Заметил критик мой:

— Мне это ни к чему!
Уж если я учу других, то самому
Учиться как-то несподручно!

АРГО

Г. ГУЛИА

Дружеские шаржи И. ИГИЛА

Ваш дар цена, молчать могу ли я,
Что есть у вас просчёты, Гулиа:
Вошли — ошибка тут беспорная! —
В ваш «Добрый город» «Гости чёрные».

Я. ДЫМСКОЙ

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

Давайте вдумаемся в суть обычной фразы:
Он пишет... УСТНЫЕ рассказы!
Так что же? Пишет или говорит?
Писатель он? Рассказчик? Иль гибрид?

Но каждый, кто Андроникова слышит,
Противоречия не чувствует ничуть.
Мы сразу понимаем, в чём тут суть:
ОН ГОВОРИТ, КАК ПИШЕТ...

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ВАКАНТНОЕ МЕСТО

(ШУТКА)

Здесь стоял пьедестал,
а на оном стоял
гений.

Наше солнце и друг.
Тут не может быть двух
мнений.

Москвичам не в укор
он на новый простор
вышел.

И, народом храним,
встал ещё перед ним
выше.

Но теперь в полный рост
встал насущный вопрос:
кто же

место славы опять
с полным правом занять
может?!

Хоть к гадалке ступай,
хоть от страха листай
святцы:

кто достоин из нас
заселить сей Парнас,
братцы?

Щипачёв? Грибачёв?
Михалков? Смеляков?
Или

ныне Яшины А.,
либо Сашины Я.
в силе?

Может, Симонов-брат?
Впрочем, он, говорят,
занят.

Может, весь ССП
на зелёной тропе
встанет?

Может, запросто тут
встанет Литинститут
в бденьи?

Ведь среди этой семьи
есть, представьте, свои
гении.

Может, встанет здесь тот?
Может, тут подойдёт
этот?

У него всё же свой,
весь заросший травой
метод.

Правда, сам он погас,
у него не Пегас —
кляча.

Но зато, знаю я,
у него есть своя
дача...

У кого соловей
сыплет в роще своей
звуки.

А у этого пруд —
по три пуда плывут
щуки...

Бросим думать-гадать,
лучше будем писать
дружно.

Жизнь сумеет понять,
кого к славе поднять
нужно!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 711. Подписано к печати 22/ХІІ 1950 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78.000.

А — 09914

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 3528.

Тираж 275 000 экз.

В СЕМЬЕ СТАХАНОВЦА

— Не огорчайся, малыш! Это не ты опоздал, а я поторопился!